

МК 5 июля 96

ИНТЕРВЬЮ

— Егор Тимурович, за день до последнего голосования по кандидатуре премьера вся страна, как в старые добрые времена, с нетерпением ожидала судьбоносного решения пленума ЦК коммунистов. Собственно, по большому счету это было бы решением Думы, если бы коммунисты из КПРФ и других фракций дисциплинированно его выполнили. Так нужна ли демократической России коммунистическая Дума?

— Сегодня Россия имеет Думу, которую она сама избрала в 95-м году, во время крайне неблагоприятное для судеб российской демократии, когда шла чеченская война, когда еще приходилось расплачиваться за последствия тяжелых ошибок и медленного перехода к рынку правительства Черномырдина, когда еще толком не было возможности показать какие бы то ни было серьезные результаты. Вот ситуация, которую мы получили. Сейчас видно, что эта Дума — серьезнейшее препятствие на пути продвижения России.

В чем специфика положения КПРФ, которая сегодня становится все более очевидной? За КПРФ голосует "протестный" электорат. Чем хуже дела в экономике, тем больше электорат протеста. Следовательно, КПРФ заинтересована, чтобы дела в стране шли как можно хуже. Не дай бог, дела в стране улучшаются — это самое худшее, что может случиться для КПРФ. У нее просто уведат избирателя. В этой связи, конечно, общество само должно нести ответственность за то, что оно выбирает Думу из тех, кто будет всей своей работой добиваться, чтобы положение в экономике было как можно хуже. Причем не надо недооценивать возможности парламента — парламент многое может сделать для этого. Он и делает все, что может, делает по полной программе, по моему глубокому убеждению.

— Закон о земле — один из тех, который нынешний состав Думы совершенно очевидно не примет. Каково его истинное значение для страны?

— Вопрос о земле — вопрос важнейший, стратегический, но не сиюминутный. Это все-

шения, которые надо было принимать, груз накопленных компромиссов, различных политических уступок и обязательств. У Кириенко есть возможность начать как бы с чистого листа. Он совершенно свободен. Есть жизнь, вот она сегодня такая, вот в таком положении страна, вот такие угрозы, такие проблемы, а все остальное давайте на время отложим. Для правительства, которое долго работало, это очень трудно. А для правительства Кириенко, который всего год с небольшим поработал в Москве, который ни от кого не зависит, никому, кроме президента, своим назначением не обязан, у него всего этого нет. Начнет по новой. А дальше, конечно, у него начнут накапливаться свои проблемы.

— Прямо сейчас, когда он предложил состав своего правительства?

— Думаю, что в целом состав правительства удовлетворительный.

— Удовлетворительный в каком смысле?

— С точки зрения возможности работать.

— Работать, как вы говорите, при имеющихся условиях? Условий, иногда не отражающих реального положения. Возьмем, к примеру, выборы в Красноярске. Город, где наиболее деятельная и образованная часть населения — за Зубова. Сельские районы — за Лебеда. И последний, очевидно, лобедит.

— Учтите еще одно: процент участия в выборах в городе был ниже, чем этот процент на селе. Мы и Думу такую имеем, потому что в отличие от большинства развитых стран процент участия в голосовании среди групп образованных, квалифицированных, более-менее обеспеченных существенно ниже, чем среди малообразованных и необеспеченных. В Америке сенат и конгресс, к которым, наверное, тоже есть претензии у американцев, на мой взгляд, лучше нашей Думы. Потому что в Америке средний класс голосует, а паупер нет. У нас другая традиция, мы не выросли из демократии налогоплательщиков. Мы выросли из тоталитарного режима с демонстративной лояльностью в форме голосования. У нас именно наи-

БЕГ В МЕШКАХ

Трудно сравнивать ситуацию при назначении и.о. премьера Е. Гайдара в 1991 г. и сегодняшнее назначение Кириенко. Однако многое, включая "розовые штанишки", и сегодня вполне серьезный аргумент оппозиции. Как бы то ни было, взгляд Гайдара — взгляд профессионала.

Егор ГАЙДАР:
"Кириенко умудрился за четыре тяжелейших недели не сказать ни одной глупости"

таки в первую очередь вопрос создания предпосылок инвестиций в российскую экономику. Это вопрос формирования цивилизованного аграрного кредитования. Это вопрос расширения жилищного строительства. Это важнейшая предпосылка объема индустриального, экономического роста. Но здесь не та ситуация, когда сегодня закон принимаете, а завтра получаете результат. Нет. Принимаете — и ситуация через три года существенно лучше, чем если вы не принимаете. Это, разумеется, не профессиональный разговор, а именно иллюстративный. Скажем, без Закона о земле можно рассчитывать на среднегодовой темп роста в 3 процента, а с ним — на 5 процентов. Так что если планировать на завтра — это не очень существенно, а если на 10 лет вперед — принципиально важно.

— Где-то слышал такой афоризм: при беге в мешках побеждает не тот, кто бежит быстрее, а тот, кто быстрее бежит в мешке. Не таков ли сегодня удел любого премьера в России?

— Конечно, премьер не царь. Он должен решать задачи, которые решимы в рамках этой политической среды, постепенно и мягко пытаться ее менять в меру своих возможностей. В этой связи утвержденному премьеру надо будет иметь дело с президентом, которого мы избрали, с парламентом, который тоже мы ему избрали, с Конституцией, которая есть, с законами, которые есть, с регионами и региональными властями, которые есть. И искусство любого управленца — научиться работать в этой ситуации. Я терпеть не могу разговоров типа: мне не создали условий. Этого не бывает. Мне кажется, что это Кириенко понятно и что он с этим может справиться.

— Сейчас легче, чем во времена вашего премьерства?

— Безусловно. Да ну о чем вы говорите! Если бы тогда у Ельцина, в 91–92-м годах, когда он был моложе и еще не было этого груза колоссального промедления, были такие конституционные возможности, как сейчас, мы бы жили совсем в другой стране.

— Отставка Черномырдина — это реакция на то, что он становится самостоятельной политической фигурой?

— Конечно, этот вопрос по большому счету к президенту. Он может на него ответить достоверно, а мы можем выдвигать свои гипотезы. Моя гипотеза: он видел, как правительство политизируется, оказывается очень разделенным и выстроено по хорошо ему известной схеме сдержек и противовесов. Он сам в этом большой мастер. Но система противовесов просто парализует правительство. Когда в процессе распределения функций люди начинают думать не о том, как бы решать сложнейшие проблемы, а о том, чтобы кто-то не получил контроль над чем-то, — это уже не работа. Где-то с января я ждал от Ельцина чего-то подобного.

— А каким образом вновь пришедший господин Кириенко сможет перебороть эту тенденцию? Ситуация-то ведь осталась прежней.

— Ситуация осталась прежней, а правительство — другое. Правительство Черномырдина работало очень долго, он действительно был премьером с самым большим стажем в Европе после Коля. За всяким правительством, которое долго работает, особенно в сложной ситуации, накапливается груз ответственности за его собственные ошибки и просто тяжелые ре-

более необразованная часть населения наиболее активно голосует. В некотором смысле это проблема наиболее образованных.

— А как вам кощунственная и бредовая на первый взгляд идея введения образовательного ценза?

— Это невозможно в конце XX века. Если бы в России демократия выростала так, как она выростала в мире, то постепенно обростала бы всеобщим избирательным правом. Обратное не бывает, обратный процесс невозможен. Избирательная пассивность — это объективно голосование за кандидатов пауперов.

— Грустно. Если подумать, что грядущие выборы президента могут опять нас с этой проблемой столкнуть и последствия будут неизмеримо более серьезными.

— Все-таки президентские выборы — это выборы ключевые. Почему результаты в 96-м году совсем другие, чем выборы в 95-м? Обществу понимает глубину проблемы.

— Когда вы поняли, что коммунистический реванш невозможен. Для многих это казалось очевидным в 93-м году.

— Это иллюзия, когда тебе кажется, что что-то уже невозможно просто потому, что это трудно представить. Я абсолютно убежден, что в 96-м году угроза победы коммунистов на выборах была серьезной. Не забывайте: они выигрывали все вторые выборы практически по всей Восточной Европе. На мой взгляд, точка перегиба была пройдена у нас только в 96-м году. Говорить, что у нас реформы были легче, а коммунисты имеют меньше традиций неосмотрительно. Было, конечно, мощное противостояние возвратной коммунистической волне. Но было достаточно опасно. Ну а в общем, история не знает сослагательного наклонения и не может дать ответа, кто из нас прав. Я абсолютно иначе вижу исторический процесс, может быть, потому, что мне в нем приходилось участвовать. Это как рельсы с развилкой. Поезд действительно может идти по одному пути, его трудно остановить, а на развилке он может пойти в самые разные стороны. Между 94-м и 96-м годами еще была развилка.

— Ясно. Вы считаете, что у Кириенко получится?

— Я желаю ему успеха и очень надеюсь. Должен вам честно сказать: он мне симпатичен. Мне нравится, как он отвечает на вопросы, как он держится, но не могу сказать, что со всем согласен. Но это его жизнь, это его позиция.

— А с точки зрения экономиста, его программа — это действительно деловая программа?

— Он не сказал, на мой взгляд, ни одной глупости, не сказал ни одной вещи, которая является принципиально неправильной. Это за четыре недели, когда от тебя многие хотят услышать глупости, когда хотят услышать вещи, которые абсолютно неправильны. То, что называется его программой, на мой взгляд, это набор разумных предложений, которые вытекают из президентского послания 97-го года. В какой степени он сможет их реализовать, покажет время.

— А у него есть такие возможности?

— Мне кажется, да. Несмотря на оппозиционную Думу. У нас все-таки сегодня не 91-й год. Очень сильная президентская и исполнительная власть, широкие и четко определенные полномочия правительства.

Сергей НИТОЧКИН.